

Алексей Будищев

Была ночь

Алексей Николаевич Будищев

Была ночь

Аннотация

«Была ночь. Сумрачная, но тихая. Иуда, скрывавшийся в широкой тени, бросаемой башней Антония, сидел скорчившись на камне и глядел прямо перед собою немигающими глазами.

Он не спал вот уже несколько ночей, и зевота, похожая на больную судорогу, широко кривила порою его крупный, чувственный рот...»

Алексей Будищев

Была ночь

Была ночь. Сумрачная, но тихая. Иуда, скрывавшийся в широкой тени, бросаемой башней Антония, сидел скорчившись на камне и глядел прямо перед собою немигающими глазами.

Он не спал вот уже несколько ночей, и зевота, похожая на больную судорогу, широко кривила порою его крупный, чувственный рот.

В эти минуты он тяжело стонал, раскачивая рыжей головою:

– Если бы мне заснуть! О, если бы мне заснуть!

Может быть, черная тоска оставила бы тогда его сердце, усмирненное сном. Но сон не приходил. И Иуда был убежден, что он уже навсегда лишен сна. Точно так же, как пищи и воды. Сегодня вечером, почувствовав голод, он сел было несколько смокв, но его тотчас же стошнило.

Возжаждав, он сделал несколько глотков красного вина, но вино вылилось из его сомкнувшегося горла обратно, как черная кровь.

Для него было ясно как день, ясно как день.

Его желудок поднял против него бунт, отказываясь слушать ему.

Не желая служить.

И поднял бунт его разум, отказавшись от сна.

Что же ждет теперь Иуду? Бешенство? Безумие?

И почему он бродит сейчас всюду по следам Учителя, как отверженная тень? Зачем?

Иуда тяжело простонал, зевая, скрипнул челюстями и опять стал глядеть, не мигая, в одну точку. Жесткие космы рыжих волос полузакрыли лицо.

И он увидел.

Вот Иисуса, вытолкав пинками из совместного дворца Анны и Каиафы, поволокли через двор к караульне. Любопытные, кучками теснившиеся там и здесь, кивали на Иисуса. И голосами, слегка скрипевшими от ночной прохлады, как отсыревшее дерево, они передавали друг другу гневный возглас первосвященника:

– Ишь мавеф!

Он, этот светлый пророк из Галилеи, – ишь мавеф! Осужденный на смерть. Достойный смерти!

– Ишь мавеф! Ишь мавеф! – прогудело среди толпы сердитым воем ветра.

Толпа качнулась вся в одну сторону. Мелькнули сжатые кулаки, угрожающе и злобно поднятые. Резким визгом пронеслось восклицание фанатиков. И толпу опять качнуло. Кто-то из добровольцев, озлобленный бессонной ночью, первый ударил Иисуса кулаком в губы, сладострастно простонав от своего удара.

И Иуда видел, как покачнулся под этим ударом Учитель.

Иуда весь сжался, точно этот кулак ударил и его по сердцу.

И, прислушиваясь, притих. Учитель простонал, – он это слышал ясно, – но не уронил ни одного слова осуждения обидчику.

– Ты – масличная ветвь мира, – медленно проговорил Иуда, – я так и знал!

И тотчас же простонал в тоске:

– О, если бы мне уснуть!

Ветер прогудел в вершине сикомора. И это тоже походило на стон.

Иуда шевельнулся, выдвигаясь, и увидел снова.

Высокий саддукей, с красным, облупленным от зноя лицом, с седыми пучками волос на плешивевшей голове, сделав из толстой веревки, которую он держал в руках, жгут, высоко взмахнул им и дважды ударил крест-накрест по лицу Учителя.

Того точно толкнуло сильным ветром, отбросив к стене.

Но Иуда все же не услышал ни слова осуждения. Ни единого слова...

Раскачивая туловищем и рыжими космами волос, Иуда простонал:

– И я сделал это во имя чего?

Он вдруг приподнялся, стремглав бросился вперед, врезался в толпу и, злобно расталкивая любопытных, подскочил к старому саддукею.

– Не тронь Его! Ты! – крикнул он в запальчивой злобе.

Сипя и упирая костистым коленом в живот саддукея, он вырвал у него веревку.

– Не тронь! Ты!..

Учитель как будто услышал эти слова заступничества, но, очевидно, не узнал голоса своего бывшего ученика.

Его лицо дрогнуло. Золотистые усы, окрашенные теперь розовой пеной крови, шевельнулись.

Не поднимая глаз, Он тихо заговорил, видимо тронутый участием неизвестного:

– Истинно, истинно говорю тебе: скоро, скоро будешь со мною...

Он поднял глаза скорбные, но такие ясные, и узнал рыжеволосого Иуду.

И замолчал, оборвав речь.

И опустит глаза долу.

– Равви, – закричал Иуда, весь колеблясь простирая вверх обе руки, – сжался надо мною, Равви!

И, судорожно дергаясь, он упал ниц, выдвигая вперед рыжеволосую голову, томительно желая припасть к ступне Учителя лобзанием.

Но судорога, скрутив шею, толкнула его в бок. И губы Иуды, пересохшие и кривящиеся, прикоснулись лишь к каменистому полу двора.

Принимая и это за бунт своих мышц, он завопил:

– Равви, Равви!

И очнулся. Он по-прежнему сидел в тени, бросаемой баш-

ней Антония. И он не знал, было ли только что виденное им явью или бредом.

Но в его руках чернела свитая в жгут веревка. Как толстая, уснувшая змея.

И по звукам, тоскливо улавливаемым им, он догадывался о том, что творилось у караульни. Сбив кулаками с ног, Учителя били теперь ногами, с дикими выкриками, с звериными стонами, с довольным урчаньем объевшихся вкусной пищей животных.

Иуда зажал уши и хотел было приподнять свое точно застывшее туловище и вдруг робко задрожал, увидев темно-серые большие и выпуклые глаза Фомы Близнеца, которого еще звали Давидом. Как будто Иуда хотел скрыться глубже в тень, но Фома уже увидел его. Сбросив с круглой, в коротких завитках головы коричневый плащ, он подскочил к Иуде, быстро согнувшись, схватил его под локти и гневным швырком поставил его на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.